

Мостовая Лидия Александровна

**ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ОСЛАБЛЕНИЮ ВОПРОСИТЕЛЬНОСТИ ЗАЧЕМ- И ПОЧЕМУ-
КОНСТРУКЦИЙ**

В статье рассматриваются конструкции с вопросительными словами "зачем" и "почему". Предпринимается попытка определить факторы, которые способствуют ослаблению вопросительной функции исследуемых конструкций. Исследование проводится на материале Национального корпуса русского языка (www.ruscorgpora.ru).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2011/3/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (10). С. 117-120. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2011/3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

4. Сысоев П. В., Евстигнеев М. Н. Методика обучения иностранному языку с использованием новых информационно-коммуникационных Интернет-технологий. М., 2010.
5. Щукина Г. И. Педагогические проблемы формирования познавательных интересов учащихся. М., 1988.
6. Mountford A. English in Agriculture. Oxford University Press, 1997.

INTERNET-TECHNOLOGIES USE IN THE ORGANIZATION OF NON-AUDITORIUM WORK ON THE FORMATION OF STUDENTS' COGNITIVE INTEREST WHILE TEACHING FOREIGN LANGUAGE

Lyubov' Viktorovna Mikhaleva, Ph. D. in Pedagogy
Department of Romanic Languages
Tomsk State University
mikhaleva@mail.ru

Al'fiya Amirovna Khakimova
Department of English Language for Natural-Science and Physico-Mathematical Faculties
Tomsk State University
alfamir@sibmail.com

The authors consider the questions of the formation of cognitive interest of the students of a higher education institution and pay special attention to the necessity of using such educational means which will promote the development of students' cognitive interests while teaching foreign languages and one of such means is non-auditorium work.

Key words and phrases: cognitive motive; teaching foreign language; motivation; non-auditorium work; cognitive interest; Internet-communication means.

УДК 81'367.322

В статье рассматриваются конструкции с вопросительными словами «зачем» и «почему». Предпринимается попытка определить факторы, которые способствуют ослаблению вопросительной функции исследуемых конструкций. Исследование проводится на материале Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

Ключевые слова и фразы: вопросительное предложение; конструкции с вопросительными словами; речевые акты; иллюквативные функции речевых актов; косвенные речевые акты.

Лидия Александровна Мостовая, к. филол. н.
Кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Российский государственный гуманитарный университет (филиал) в г. Астрахани
Lidiya-mostovaya@yandex.ru

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ОСЛАБЛЕНИЮ ВОПРОСИТЕЛЬНОСТИ ЗАЧЕМ- И ПОЧЕМУ-КОНСТРУКЦИЙ[©]

Несмотря на то, что основной функцией конструкций с вопросительными словами является вопросительная функция, данные Национального русского языка позволяют сделать интересные наблюдения. Так, собственно вопросов со словом *зачем* в Корпусе мало. Сплошная выборка из более 600 примеров содержит всего около 100 *зачем*-конструкций в первичной вопросительной функции, что составляет лишь около 16% от общего числа примеров с вопросительным словом *зачем*. В это количество входят не только собственно вопросы, используемые в текстах для передачи прямой речи, но и сложноподчиненные предложения с местоименно-вопросительной связью частей [5]:

«Ты как хочешь, — сказала я, — а я завела собаку!» — «Зачем?» — почему-то шёпотом спросил Алешка. «Чтобы не скучать без тебя», — так же шёпотом ответила я (Екатерина Орлова. Такой же хороший, как ты // Даша. 2004. № 10).

Представляясь, я рассчитывал, что дежурная не брякнет трубку сразу же, а попытается выяснить, зачем я звоню (Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998-2004)).

Такой сравнительно небольшой объем собственно-вопросительных предложений со словом *зачем* объясняется тем, что *зачем*-конструкции тяготеют к включению эмоционально-оценочных компонентов, что приводит к смещению в область косвенных речевых актов (КРА):

— Зачем это вы сортировали карточки по деревням? — возмутилась она. — Нам так сказали, — растерянно ответил Двинятин. — Глупость вам сказали, — рассердилась Лехно. — Это совершенно бессмысленно (ast. запись LiveJournal (2004)).

Почему-вопросы чаще эмоционально нейтральны:

А я ведь собирался на ней жениться! — А почему она ушла? — Думаю, что из гордости, хотя она была кроткая женщина (Фазиль Искандер. Муки совести, или Байская кровать (1980-1990)).

— В город Чуфырыно! Почему вошло в голову это название? Где он его прочёл или услышал? — не мог Данила впоследствии ни себе, ни другим людям объяснить (Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)).

Однако и среди почему-вопросов большое количество КРА, ср.:

Почему ты все время врешь? Как не стыдно!

Почему ты никогда не закрываешь дверь? Сколько можно просить!

Даже в ситуации запроса информации с помощью эксплицитных вопросительных средств (*скажи; ответь; я спрашиваю; возникает вопрос* и под.) в вопросе, содержащем оценочную лексику, вопросительное значение ослабляется, а на передний план выдвигается мнение говорящего и/или его эмоциональное отношение к происходящему:

— Скажи, пожалуйста, — начал Алеша, — зачем вы убили бедных крыс, которые вас не беспокоят и живут так далеко от вашего жилища? (Антоний Погорельский. Черная курица (1829)).

— Я спрашиваю, — заорал отец, — зачем ты оставила эту открытку? (Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)).

Возникает закономерный вопрос: зачем загружать суды такими вот ненужными делами: фактически при их рассмотрении будет присутствовать только одна сторона — регистрирующий орган (Мария Демидова. Юридические лица: живые и мертвые (2003)).

Таким образом, важным фактором ослабления вопросительного значения *зачем*-конструкций и перехода в косвенные речевые акты является использование эмоционально-оценочной лексики (а также, разумеется, эмоционально окрашенной интонации, которую мы, к сожалению, не имеем возможности проанализировать).

Другой фактор ослабления вопросительности - исходное состояние говорящего (незнание vs. непонимание). Так, вопрос о необходимости действия, заданный не в ситуации незнания, а в ситуации непонимания, легко развивает импликацию нецелесообразности и становится косвенным речевым актом, ср.:

Чеченцы не понимали, зачем надо вкладывать прибыль в дело и платить налоги (Владимир Абарин. Россия в «голде» // Совершенно секретно. 2003.07.07).

Следует отметить, ситуация понимания / непонимания, характерная для исследуемых конструкций, может стать причиной возникновения оценочной семантики. Это связано с тем, что для понимания требуется определенная мыслительная работа, опирающаяся на предшествующие знания субъекта [2]. В ситуации непонимания - или, наоборот, понимания глубинных мотивов действия адресата - может возникнуть идея оправдания (неоправданности, нецелесообразности) действий. В этом случае значение вопросительности ослабляется, высказывание приобретает оценочную семантику и становится косвенным речевым актом:

Ведь я сразу понял, зачем ты сбежал от меня на Или! (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Часть 2 (1978)).

Потом очень многие ребята не понимают / зачем мы красим ногти / глаза... (Разговор при выходе из дома. Москва (2005)).

Я и сам не знаю, признаться, зачем у меня столько комнат сейчас, и зачем я строю ещё какой-то флигель, в который, быть может, никогда не загляну, и зачем буду (а непременно буду) строить ещё (С. Н. Сергеев-Ценский. Благая весть (1912)).

Еще одной причиной ослабления вопросительного значения конструкций с вопросительными словами *зачем* и *почему* является значение категории лица.

Собственно-вопросительная функция высказываний со словами *зачем* и *почему* в полном объеме реализуется только при наличии субъекта, выраженного личным местоимением в форме 2-го лица: *Зачем тебе эта краска? Почему ты молчишь?* Однако и значение 2-го лица не препятствует использованию конструкции в косвенной функции (ср.: *Зачем ты ломаешь стул!*).

В случаях 1-го или 3-го лица субъекта условия успешности речевого акта вопроса нарушаются, ослабляя тем самым вопросительное значение.

Так, вопрос о мотивировках собственного поведения говорящего (*Зачем я надела эту юбку? Почему я не взяла с собой зонт?*), даже обращенный к реальному собеседнику, не может получить «нормального» ответа и смещается в зону косвенных речевых актов. Тем более такой вопрос утрачивает вопросительное значение и используется для выражения идеи нелогичности поведения, как средство самоупрека, констатации досады по поводу совершения действия, если говорящий обращает его к самому себе.

Зачем-вопрос, обращенный к самому себе, обычно используется как рефлексивный вопрос. В отличие от зачем-конструкции почему-конструкция с субъектом в 1-м лице используется и в других речевых актах:

Первый концерт 30 сентября 1999 года был очень сложным по многим обстоятельствам. Почему я вспоминаю этот концерт? Володя часто на сцене испытывает сопротивление оркестра или сопротивление себя самого — своих рук, нервов (Сати Спивакова. Не всё (2002)) - монологический вопрос.

— Почему я должен вернуть банку? — спросил Коноплянников (Андрей Волос. Недвижимость // Новый Мир. 2001. № 1-2) - экспрессивное отрицание.

— Почему я должна ждать? Мне нужно начинать ремонт! (Андрей Волос. Недвижимость // Новый Мир. 2001. № 1-2) - экспрессивное отрицание / эмоциональная реакция (возмущение).

Ослабление вопросительного значения наблюдается и в конструкциях с субъектом, выраженным местоимением в третьем лице (*Зачем они там копают? Почему они еще не спят?*).

Высказывания с обобщенным или неопределенным субъектом также часто функционируют как косвенные речевые акты (*Зачем надо учиться? Почему кто-то за тебя должен это делать?*). Высказывания с обобщенным субъектом в риторическом вопросе нередко выражают идею бессмысленности называемого действия.

Важным фактором при интерпретации *зачем*- и *почему*-конструкций является прагматический. Если совершаемое действие затрагивает интересы говорящего, вопросительные конструкции чаще функционируют в качестве косвенных речевых актов:

Зачем ты убрал стул? Он мне еще нужен.

Почему ты не убрал стул? Он мне мешает.

Если же говорящий выясняет мотивы поступков собеседника, не затрагивающих сферу интересов самого говорящего, *зачем*- и *почему*-конструкции интерпретируются как собственно вопрос:

Зачем ты открываешь окно? Тебе жарко?

Почему ты закрываешь окно? Ты замерз?

На возможности использования высказывания в качестве косвенного речевого акта оказывает влияние также вид и время глагола-сказуемого, что отмечалось разными исследователями (Т.-Г. Хонг отмечает, что при определенных условиях несовершенный вид выступает в качестве неспециализированного показателя смягчения иллокутивной силы высказывания, ср.: [*Помочь тебе?*] *Помоги. Будешь пол мести vs. Пол подметешь!*) [6], ср., например, *почему*-конструкцию с глаголом НСВ: *Почему ты к нам не заходишь?*, - которую можно скорее квалифицировать как прямой вопрос (хотя такой вопрос может быть понят и как выполняющий косвенную иллокутивную функцию), и с глаголом СВ: *Почему ты к нам не зайдешь?*, которая интерпретируется преимущественно как КРА - приглашение; сожаление.

На иллокутивную функцию может влиять и лексический класс предиката. Так, в предложениях с глаголами интерпретации [1; 3; 4] вопросительная функция утрачивается: *Почему ты мешаешь мне заниматься? Зачем ты унижаешься?*

Для высказываний с глаголами интерпретации характерно настоящее время - так называемое «настоящее интерпретации».

Для предложений с интерпретационной семантикой типичны формы 2-го и 3-го лица, так как чаще интерпретации и оценке подвергаются чужие поступки, чем свои собственные, но встречаются также и примеры употребления оценочных глаголов в 1-м лице, которые можно рассматривать как интерпретационные (когда говорящий как бы смотрит на себя со стороны и не одобряет свои собственные действия):

— *Зачем я потащился туда? Угробил целый день, не ел, не выспался...* (Ирина Муравьева. Мещанин во дворянстве (1994)).

Таким образом, конструкции с вопросительными словами *зачем* и *почему*, которые в качестве основной функции, определяемой их формой, должны выполнять функцию вопроса, часто используются для выражения других речевых актов. Выявлены следующие причины, способствующие ослаблению вопросительности: 1) использование эмоционально-оценочной лексики; 2) ситуация непонимания вместо ситуации незнания и запроса информации (что более точно соответствовало бы условиям успешности речевого акта вопроса); 3) лицо субъекта (действие самого говорящего, действие третьего лица, обобщенный или неопределенный субъект); 4) вид и время предиката; 5) лексический класс предиката.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1 (7). С. 5-22.
2. Апресян Ю. Д. Проблема фактивности: *знать* и его синонимы // Апресян Ю. Д. Избранные труды. М., 1995. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 413-414.
3. Апресян Ю. Д. Фундаментальная классификация предикатов // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 75-110.
4. Гловинская М. Я. Семантика, прагматика и стилистика видовременных форм // Грамматические исследования: функционально-стилистический аспект: суперсегментная фонетика, морфологическая семантика. М., 1989. С. 74-146.
5. Русская грамматика. М., 2005. Т. 2. С. 508-509.
6. Хонг Т.-Г. Русский глагольный вид на фоне косвенных речевых актов // Исследования по теории грамматики. М.: Русские словари, 2001. Вып. 1. Глагольные категории. С. 262-305.

FACTORS PROMOTING THE WEAKENING OF THE INTERROGATIVE CHARACTER OF WHAT FOR AND WHY CONSTRUCTIONS

Lidiya Aleksandrovna Mostovaya, Ph. D. in Philology
Department of Classical and Social-Economic Disciplines
Russian State Classical University (Branch) in Astrakhan'
Lidiya-mostovaya@yandex.ru

The author considers the constructions with interrogative words “what for” and “why” and undertakes the attempt to determine the factors which promote the weakening of the interrogative function of the researched constructions. The research is carried out by the material of Russian National Corpus (www.ruscorpora.ru).

Key words and phrases: interrogative sentence; constructions with interrogative words; speech acts; illocutive functions of speech acts; indirect speech acts.

УДК 82-312.1

Статья раскрывает особенности воспроизведения категории двойничества в романах якутского писателя И. М. Гоголева-Кындыла. При исследовании системы романов И. Гоголева основное внимание уделяется функционированию бинарных оппозиций, сюжетного двойничества в системе романов писателя.

Ключевые слова и фразы: роман; хронотоп; архетипика; двойничество; стиль; жанр; эволюция героя.

Саргылана Еремеевна Ноева, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирское отделение Российской академии наук
Laanka@mail.ru

ДВОЙНИЧЕСТВО КАК СРЕДСТВО МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ В РОМАНАХ ЯКУТСКОГО ПИСАТЕЛЯ И. М. ГОГОЛЕВА-КЫНДЫЛА[©]

Проблема генезиса, функционирования двойников-персонажей, структуры художественного развертывания двойничества находит отражение в работах многих исследователей. Исследователи сходятся на том, что двойниковый персонаж выступает как отражение героя, «ведущее самостоятельную жизнь, в котором получают осуществление, акцентуацию и свободное развертывание какие-то стороны его личности» [6, с. 86]. Двойственность в литературе связывается с проявлением двоимирия, делением окружающего его мира на «пространство жизни» и «пространство смерти».

По М. М. Бахтину, бинарность - двуединая категория, предполагающая равноценность и взаимозаменяемость двух противоположных сторон единого явления, образа. Архетип двойничества как всеобщий фольклорно-мифологический мотив всегда считался символом дуализма, а также идентичности. М. Бахтин в труде «Проблемы поэтики Достоевского» подробно говорит о «развенчивающем двойнике». Данный образ принадлежит «миру наизнанку», исследователь определяет его как элемент «карнавализации».

Антиномия двойников-антагонистов генетически восходит к мифологической структуре «культурный герой - трикстер». Двойничество определяется Е. М. Мелетинским как «литературно-мифологический сюжетный архетип», появившийся из сосуществования культурного героя и трикстера в одном лице или в виде двух братьев. Данная модель становится базовой для литературных сюжетов. Архетип двойника то распадается на два различных и враждебных друг другу персонажа, то сливается в единый противоречивый образ, обладает огромным смысловым содержанием.

М. С. Уваров уясняет, что бинарный архетип является одной из важнейших дискурсивных практик, выполняющих в культуре роль «уникального индикатора» проблемности, остроты и парадоксальности возникающих ситуаций, алгоритмы решения которых не известны [7, с. 7-8].

Категория бинарности находит своеобразное выражение в романах якутского писателя Ивана Михайловича Гоголева-Кындыла. Структура романов построена на бинарных оппозициях: хаоса и порядка, войны и мира, истории и мифа, открытого и закрытого пространства, жизни и смерти, человека и богочеловека. Бинарные оппозиции, как противостоящие и конфликтующие структуры, составляют в его романах модель мира.

Выделяющаяся из данной проблемы тема двойничества отчетливо прослеживается уже в первом романе «Черный стерх» и продолжается в дальнейших произведениях. Бинарные структуры в романах «Черный стерх» (1977, 1982, 1987), «Богиня милосердия» (1993), «Третий глаз» (1999), «Манчаары» (2001) образуют сложную систему двойниковых моделей.